

Слинка в Чудесной стране

СОВЕТСКИЙ ВИНТАЖ
КНИГИ СО ВКУСОМ ПАМЯТИ

Алёна Комиссарова
Наталья Козлова
Алинка в Чудесной стране
Серия «Детская книжная вселенная»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73890472

Алинка в Чудесной стране : сборник прозы и поэзии для семейного чтения / сост. Алёна Комиссарова, Наталья Козлова: Четыре; Санкт-

Петербург; 2026

ISBN 978-5-908132-01-5

Аннотация

Что такое детство, знают все.

А что такое советское детство?... Здесь, как говорится, есть нюансы.

Детей СССР не баловали дорогими игрушками и деликатесами. У них не было смартфонов и других мудрёных гаджетов. Их не возили в школу на машине, они добирались туда и обратно сами – на автобусе, а то и пешком. Казалось бы, нечем похвастаться...

Но почему же люди зрелого возраста вспоминают о тех юных годах с тёплой улыбкой?

Дворовые забавы с друзьями, лето в пионерском лагере, журнал «Мурзилка», мультфильмы по выходным, бумажные

куклы, закапывание «секретиков» – всё радовало и вызывало желание жить и спешить вперёд – к светлому будущему.

В этой книге собраны добрые истории и светлые воспоминания о той чудесной поре.

Содержание

Когда детство было общим	9
Алина Бисембаева	12
Эхо двора	12
Ниточка из коробков	14
Ольга Вологодская	15
Из цикла «Песнь дождя живого»	15
Марина Дзамашвили	24
Царское варенье	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алинка в Чудесной стране.

**Сборник прозы и поэзии
для семейного чтения**

**Составители Алёна
Комиссарова,
Наталья Козлова**

Серия «Детская книжная вселенная»

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Издательство «Четыре», 2026

Когда детство было общим

Советское детство не нуждается в реконструкции по архивам. Оно живёт в памяти телесно и точно. В запахе мокрых варёжек, в шероховатости школьной парты, в звоне стеклянных бутылок из-под газировки, в голосах, летящих из открытых окон. Это детство невозможно спутать с другим временем. Оно узнаётся сразу, даже если прошло полвека.

Тексты этого сборника удивительным образом возвращают ощущение подлинности. Здесь нет музейной тишины и аккуратно расставленных экспонатов. Напротив, страницы звучат, двигаются, дышат. Проза и поэзия складываются в живое пространство, где детство показано не как миф и не как плакат, а как среда формирования человека. Со всеми её радостями, ограничениями, строгостью и редкими, но особенно ценными вспышками счастья.

Авторы работают с памятью бережно, но без излишней деликатности. В этих текстах чувствуется опыт переживания, а не желание понравиться читателю. Детство здесь не выкрашено в один цвет. Оно разное. Иногда тёплое, иногда суровое, временами наивное, временами неожиданно взрослое. В этом и заключается сила сборника. Он не предлагает готовых выводов, он даёт возможность вспомнить и почувствовать.

Особенно ценно, что советское детство показано через детали. Через двор, где правила устанавливались негласно.

Через школу, где формировалась не только дисциплина, но и чувство плеча. Через дом, где взрослые разговоры звучали фоном и незаметно становились частью внутреннего мира ребёнка. Эти детали работают точнее любых деклараций. Они вызывают узнавание, а за ним приходит доверие.

Поэзия в сборнике не стремится к эффектности. Она звучит спокойно, иногда почти разговорно, но в этой сдержанности рождается точное эмоциональное попадание. Стихи не объясняют чувства, они позволяют им проявиться. Проза, в свою очередь, тяготеет к наблюдательности и внутреннему движению. Здесь важны не события, а то, как они оседают в памяти, как становятся частью характера.

Сборник ценен ещё и тем, что не застревает в ностальгии. В нём есть светлая грусть, но нет сладости. Есть понимание, что детство было временем становления, а не утраченного рая. Эта честность делает книгу взрослой и глубокой. Она обращена не только к тем, кто вырос в СССР, но и к тем, кто пытается понять, откуда пришли их родители, бабушки и дедушки, какие внутренние опоры они несли через жизнь.

Перед читателем книга, которая не требует спешки. Её хочется читать медленно, возвращаясь к отдельным страницам, мысленно продолжая начатые разговоры. Это сборник-память, сборник-среда, сборник, в котором личные истории складываются в общее переживание поколения.

Советское детство здесь не подводит итог и не требует оценки. Оно просто присутствует. Живое, узнаваемое, на-

стоящее. Именно таким оно и остаётся в тех, кто однажды вышел во двор с ключом на верёвочке и понял, что мир огромен, но уже немного свой.

Алина Бисембаева

Эхо двора

Там не было айфонов и планшетов,
Лишь крик в окно: «Серёжа, выходи!»
Мы знали вкус гудрона и «секретов»,
И сердце так стучало впереди...

Летели с горки, снег забился в ворот,
Штаны промокли, но нельзя домой.
Весь этот шумный, белоснежный город
Был только наш, любимый и родной.

В портфеле мятом – сменка и дневник,
А в лагере – костёр до небосвода.
Там пионерский горн к губам приник,
И пахла хвоей юная свобода.

Мы строили шалаш из старых веток,
Писали письма почерком кривым.
Среди дворов, качелей и беседок
Мир оставался вечно молодым.

Теперь всё в «цифре», в облаке, в Сети,

Но память крутит старое кино.
Того двора на карте не найти,
Но в нас живёт по-прежнему оно.

Ниточка из коробков

Мы жили без экранов и Сетей,
В карманах лишь фантики да крошки.
Среди простых и искренних затей
Был телефон из спичечной коробочки.

Натянута тугая нить струной,
Ты слышишь голос – будто из колодца.
И этот мир, придуманный, родной,
В груди теплом внезапно отзовётся.

Скакалка бьёт ритмично по асфальту,
В резиночки играем дотемна.
Никто не знал про гигабайты, байты,
Была другая, звонкая страна.

Зимой – сугробы, санки, кутерьма,
Домой приходишь – варезки колбм.
И кажется, что вечная зима
Укрыла двор пушистым серебром.

Записки на уроках – наш «Ватсап»,
Секреты, спрятанные в парте глубоко.
И красный галстук – словно верный знак,
Что детство улетело далеко.

Ольга Вологодская

Из цикла «Песнь дождя живого»

Вы помните ваши дожди из детства?.. Боялись ли вы грозы?..

Или как смело, без зонтов и дождевиков, мчались под проливным дождём?..

А ещё – как часами прогуливались у окон девчонки из параллельного класса, не обращая внимания на затяжной ливень, мокрую куртку и сырые стоптанные ботинки, доставшиеся вам в наследство от старшего брата?.. Как смело измеряли глубину луж и ручьёв?..

Если забыли, вспомните, когда за окном зазвучит музыка дождя из вашего детства.

***Бьют барабаны, гремят барабаны,
слышу я их неустанный зов***

Она подобна глади зеркала ночного, не отражает густых смородиновых зарослей, не отражает низкое небо, что назойливо вглядывается в неё, не отражает моего лица, когда я склоняюсь над ней, чтобы набрать в белый эмалирован-

ный бидончик прохладной воды, мечтая хоть на мгновение снять тяжесть душного дня. Белизна бидончика погружается в омут таинственного зеркала, что скрывает в глубине своей все мои детские фантазии и сказочные мечты.

Если бы не крохотный ивовый прутик, медленно движущийся в неизведанные миры по течению, вполне можно подумать, что это и не река вовсе, а старинная дорога. Ведёт она в дремучий лес, где высится могучее еловое войско в тёмно-зелёных камзолах.

А в этом войске есть отважный барабанщик. «Там-та-та-там-та-та!» – репетирует он вот уже более часа.

И вот войско начинает маршировать. Это уже не репетиция: к барабанщику присоединяются трубадуры и горнисты, а к ним – топот сотен, тысяч еловых ног-лап. Одинокий марш переходит в оглушающую дробь, от которой мне становится страшно. Невидимые руки взмывают вверх и опускаются вниз, ноги-лапы шагают строем...

И внезапно густая духота сменяется свежестью, и в бездонную черноту зеркальной реки-дороги с неба срываются жирные капли дождя. Река с жадностью берёт их в плен, глотает одну за другой, но от жажды не избавляется, как и я не могу избавиться от детского страха перед грозой. Тысячелетнего страха, впитанного в кровь каждого человека.

Гроза нещадно вонзает яркие стрелы в чрево земли, и я прячусь в низкие, густые заросли кустарника подальше от реки, накрываю голову тонким целлофановым пакетом. Ко

мне прижимается Лесси, полукровка кавказской овчарки и таинственной дворняги. Бесстрашная, любопытная, отличная сторожевая, но сейчас она пугливо поджала хвост и горячим языком вылизывает мне руки.

«Там-та-та-там-та-та-та-та-там-там-там!» Барабанщики становятся всё больше, еловое войско наступает.

Я окидываю взором окрестности, пока что-то ещё видно. От реки мы далеко, высоких деревьев рядом нет, еловое войско марширует на месте и к нам не добралось, электрических столбов здесь никогда не существовало, хотя в полукилометре виднеется покинутая давно жителями деревня Смородинцы. Даже стогов сена нет, а значит, и опасности тоже.

Я отлично помню мамины предостережения: молния бьет во всё высокое, воду и движущиеся предметы. Обгоню время – сейчас к этому добавились и мобильные телефоны; но я не в будущем, я в *сейчас*. Даже стационарные телефоны в нашем селе Павино есть лишь в государственных учреждениях, да ещё у двух ветеранов Великой Отечественной войны.

Прикрываю глаза, когда густые заросли кустарника уже совершенно не спасают от проливного дождя. Высоко в небе невидимый мойщик без усталости переворачивает огромные бадьи, чаны, бочки, наполненные водой. Он решил устроить генеральную уборку.

Я перенеслась в бушующий океан, я стою на мостике парусника, я отважный тринадцатилетний капитан, что бросил вызов стихии. Десятки пылающих молний рушатся вниз,

срываясь с небосвода, они устремляются к сосновым мачтам в попытке сломить их под «Марш Турецкого». Но у них ничего не выходит, и тогда к ним, маршируя, спешат на помощь оранжевые апельсины, но эта «Любовь к трём апельсинам» вызывает у меня взрыв веселья.

Я же отважный капитан, я вскидываю лицо к небу и громко смеюсь, на меня рушатся дождевые потоки. Молнии внезапно тухнут и спешно ретируются. Барабанщик, горнисты, трубадуры, Турецкий марш и «Три апельсина» смолкли, растворились и исчезли столь внезапно, словно их никогда не существовало. Без их «тра-та-та-та-там» замерло и еловое войско.

Гроза умчалась на вороных конях по бескрайнему небу в неизведанные земли.

Я смотрю в небо и тут же замуриваюсь. Сквозь зелёную умытую листву, на кончиках которой заиграли радужные прозрачные шарики, меня ослепил ясный взор солнца. Теперь я не спешу, приоткрываю глаза медленно, прищуриваюсь, привыкаю к бьющему в упор свету.

Лесси, совсем недавно скулившая у меня под боком, стоит рядом, повиливая хвостом, вдруг резко отряхивается, мне в лицо летят брызги, от них несёт мокрой псиной, и я вскакиваю. В тот же миг на меня накидываются возмущённые разноцветные капли, но мне всё равно. Ведь я и сама превратилась в одну из них. Огромная, мокрая разноцветная капля с руками и ногами и даже головой.

Стаскиваю пакет с головы – о счастье, сухие волосы! Выбираюсь из плена сырых ветвей, мокрая, бегу по мокрому лугу, Лесси скачками несётся рядом. Позади остаётся тёмное зеркало, чья гладь наконец-то утолила неуёмную жажду, а впереди нам с Лесси улыбается перевёрнутой улыбкой сочная радуга моего детства.

Там, где кончается дождь

Оно исчезает, растворяется в туманном времени. Так бывает. Нечто реальное становится вымышленным, и ты просто его забываешь. Мчатся годы, и нет возврата к прошлым загадкам. И ты перестаёшь верить.

Но именно тогда, в тот самый миг, когда спускаешься с горы с тяжёлым ведром, напевая, несмотря на обрушившийся – как всегда неожиданно – дождь, из-за которого пришлось сдёрнуть с головы платок и накрыть ведро с малышами-маслятами, чьи липкие шляпки приклеились друг к дружке; именно тогда, когда спешишь к родному дому, балансируя на крутом спуске, размышляя, ну вот, мокрые волосы и здорово, что крымский октябрьский дождь тёпл, а не противно холоден; именно тогда, когда переступаешь невидимую, никем не обозначенную и не застолблённую границу, вспыхивает оно ярким светом из детства, когда ты так мечтала узнать – есть ли оно, это сказочное место, где кончается дождь.

Ведро, в котором спокойно устроились под платком дружные ребята-маслята, стоит на обочине дороги, сплошь состоящей из белого щебня. Ведро брошено, а я обернулась из взрослой женщины в братца Иванушку, что напился из копытца водицы дождевой и превратился в козлёночка. Я забываю о мокрых волосах и о том, что совсем недавно спешила домой. Я оказалась в сказке из моего детства, совершаю странные прыжки на дороге из белого щебня – вверх-вниз, вверх-вниз – и радостно выкрикиваю:

– Есть дождь – нет дождя, есть дождь – нет дождя!

У неизвестного художника, вероятно, закончилась дождевая краска, которой он раскрашивал небо. Вот же оно – небо, укрытое голубой мокрой глиной с примесью свинца. А здесь, здесь небо словно старый запылённый медицинский бинт, что много лет валялся без упаковки в автомобильной аптечке. Из разрисованного неба рвутся мощные капли, они бьют сочной капелью, похожей на земляничные ягоды, от них веет ароматом чабреца и дикого шалфея, в которых ягоды прячутся от дождя. А от этого старого бинта отдаёт сухостью всех прошлых времён.

Я продолжаю прыгать козлёнком. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Мокрый щебень – сухой щебень, мокрые листья – сухие листья, бутоны цветочные закрыты – бутоны цветочные раскрыты. Я под дождливым небом – я под сухим небом.

И самое невероятное случается, когда я прекращаю прыгать и замираю под небом цвета высохшего бинта, а затем

протягиваю руки сквозь невидимые пограничные столпы, и тогда в мои сложенные лодочкой ладони барабанят весёлые капли.

И именно теперь, когда совсем позабыто, когда ты давно перестала верить и помнить, перестала ждать и мечтать, оно приходит, оно становится сказкой и реальностью одновременно. И ты смеёшься – звонко, легко и без всякой причины, смеёшься так, как смеются только в детстве.

Ведь теперь ты знаешь: на свете есть волшебное место. Место, где кончается дождь.

Хохотунчики

Когда это случается, я воображаю, что там, над облаками, есть свой цирк, в котором работает очень весёлый и смешной клоун. Всё небо превращается в заезжий цирк-шапито.

Огромный рояль притащили кони-савраски. Поднимается крышка рояля, и оттуда выскакивает клоун в красном колпаке, жёлтом трико с бубенчиками на вороте и манжетах. Он кружится и прыгает, смешивая юных гимнасток, что несутся мимо него на белых пони по лазоревой арене.

Я шагаю по заливным лугам, перелескам, отбиваюсь от комаров веточкой черёмухи. Где-то там вдали мычат бурёнки, призывая маленькую пастушку, то есть меня. Бурёнки имеются в каждом доме, это наши кормилицы, без них не прожить. Сегодня наш черёд быть пастухами. Как чудесно, что

вокруг ни одного мрачного облака, ни одной грозовой тучки.

И вдруг... с небесного цирка-шапито срывается дождь-хохотушка. Менее минуты длится его нашествие. Проходит десять минут, и вновь – нашествие, совсем короткое: пара минут, и враг снимает осаду. Я сбиваюсь со счёта. Семь или десять минут покоя – минутное нашествие, спустя двадцать минут отдыха – двухминутное, проходит пять минут – и вновь, а потом музыкальная пауза, и снова, снова, снова.

У клоуна, очевидно, закружилась голова, пока он пытался сосчитать, сколько же кругов проскакали пони с гимнастками вокруг рояля. А я даже не пытаюсь укрыться от минутных набегов. Я наконец догадалась, в чём дело. Клоун набирает воду в рот из старинного чайника с носиком дугой, надувает щёки и затем обрызгивает и облачных пони, и юных воздушных гимнасток, и рассевшуюся публику. Но никто не возмущается, все хохочут, всем весело и радостно. Радостно до слёз.

Ну конечно, эти минутные-двухминутные нашествия дождей – это слёзы смеха. Небесный клоун выкидывает номера-трюки, и облака сначала сдержанно улыбаются, а затем хохочут, прикрывая рты ладошками. Но клоун не отступает, он сыплет шутками, прокалывает воздушные шарики, кувыркается, падает... Наконец хватает чайник и задорно полощет горло. Брызги летят во все стороны, и облака не выдерживают, они хватаются за бока.

Смех потрясает цирк-шапито. Слёзы срываются с надутых

ватных щёк, мчатся вниз, на землю, а неугомонный клоун продолжает своё бесконечное небесное выступление.

Марина Дзамашвили

Царское варенье

Лето было злым: жару нагнетало, жарой окутывало, а дождями не делилось.

Нежная малина засохла, не выдержав яростного натиска солнца, зато светолюбивый и засухоустойчивый крыжовник баловал ягодами, крупными и плотными. Он рос в конце дачного участка. В его кустах то и дело мелькали белая панамка, жёлтый сарафан и загорелые руки.

На крыльце дома показалась молодая, стройная женщина. Поправив непослушную прядь волос, она пыталась разглядеть в зарослях крыжовника свою дочь.

– Наташа, обедать пора! Иди в дом! – крикнула она.

Из кустов показалась двенадцатилетняя девочка с пушистыми светлыми волосами и редкими веснушками на носу.

– Сейчас, мам! Ещё один, последний стакан наберу и приду, – отозвалась она и опять исчезла в кустах крыжовника.

Женщина вошла в дом, где витал особый аромат сваренных в сиропе вишнёвых листьев.

В углу комнаты на стуле стоял медный таз с крыжовником. На накрытый белой скатертью стол женщина поставила солонку с крупной солью, тарелку с нарезанным хлебом, са-

латник, наполненный лёгким салатом, высокие запотевшие стаканы с холодным компотом. Затем она взяла белую супницу с тонкой золотой каёмкой и неразборчивой монограммой и осторожно налила в неё окрошку.

Бережно поставив супницу на стол и разложив приборы, женщина взглянула на часы. Они показывали полдень.

Тут ажурная занавеска взлетела, пропустив в дом босоногую загорелую девочку. Наташа крепко держала в перепачканных, поцарапанных руках большой стакан с ягодами.

– Вот! Последний, одиннадцатый принесла! – с гордостью сказала Наташа, протягивая стакан маме.

– Умница! Руки мыть и сразу за стол. Окрошка сегодня удалась.

– Ой, как вкусно пахнет! Ты сварила варенье без меня? Мам, ты же обещала мне сегодня рассказать про секретное варенье и научить его варить!

Мама взъерошила волосы на голове дочери, поцеловала в нос и с улыбкой сказала:

– Нет, не сварила. Куда ж я без тебя, помощницы, денусь!

Наташа вымыла руки, налила окрошку в тарелки себе и маме и, чинно сев за стол, сказала:

– Рассказывай! Ведь мы будем варить варенье из крыжовника? Ты всегда варила его одна и раздавала всем нашим друзьям и соседям.

– Ты кушай, а я буду рассказывать, – с улыбкой сказала мама.

...Когда мне было двенадцать лет, моя мама, твоя бабушка Валя, послала меня собирать одиннадцать стаканов крыжовника. Мне это занятие не очень нравилось, ведь крыжовник кололся, царапался, в руки легко не давался. Да и подружки меня звали гулять. Я торопилась и при этом не очень жалела ягоды, рвала их абы как.

Бабушка твоя посмотрела на эти мои ухищрения и сказала: «Плохая из тебя царевна получается!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.